

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКОГО КОНЦЕПТА «ПРАВОНАРУШЕНИЕ»: РАННИЙ ПЕРИОД

Л. В. Попова

<https://orcid.org/0000-0003-2690-246X>

Челябинский государственный университет, Миасский филиал, Миасс, Россия

Реконструирована трёхчастная структура древнерусского концепта «правонарушение»: межкультурно обусловленные номинативные модели «проказа», «согрешение/грех» в русско-греческих договорах X в. и неполноэквивалентная модель «обида» в кодексе Русская Правда и более поздних актах. В древнерусском правосознании до официального принятия христианства, но под влиянием византийской традиции сформировалась социо-этико-религиозная концепция правонарушения, в которой доминировал этноспецифичный концептуальный признак 'несправедливость': нравственное страдание жертвы как части коллектива (*обида*).

Ключевые слова: *концепт «правонарушение», обида, проказа, грех, этнокультурный концепт, юридический термин, древнерусское юридическое языковое сознание.*

В современной науке недостаточно информации об истории русской юридической коммуникации в контексте этнокультурной истории. В юридическую коммуникацию вовлечены различные по статусу и функциям субъекты, и все они являются носителями этнической ментальности. Нормы и принципы официальной коммуникации в значительной мере обусловлены этнической ментальностью, поэтому проявление последней в официальной сфере заслуживает особого внимания. Исторически язык юридической коммуникации ориентирован на этнические нормы, ценности, стереотипы. Юридический язык необходимо рассматривать не только как неотъемлемую часть национального литературного языка, но и как своеобразный транслятор этнокультурной информации.

Способы номинации правовых понятий в историческом аспекте интересны для изучения, поскольку отражают эволюцию и правового мышления, и этнокартины мира в целом. Понятие правонарушения — одно из ключевых наряду с правовой нормой и наказанием. Варьирование его номинативных моделей связано, с одной стороны, с рефлексией причин и последствий противоправного поведения, с другой стороны, с представлением о правомерном поведении, то есть в целом с развитием образа члена социума. В связи с этим ожидаемые результаты исследования необходимы для оценки динамики степени этнокультурной идентичности правового мышления, для уточнения представления о нормативных и ценностных установках русской культуры.

Анализ материала исторических документов позволяет реконструировать категории правового мышления. При исследовании использована комплексная методика: интен-анализ документов, выборка номинативных средств концепта «правонарушение» из текстов документов, контекстологический и валентностный анализ, этимологический анализ, дефиниционно-компонентный анализ, лингвокогнитивная интерпретация. Для достижения объективности результатов привлечены и критически оценены данные специализированных словарей и указателей к юридическим текстам, авторитетных научных работ.

Древнейший письменный период древнерусского права представлен юридическими текстами, в которых зафиксированы и правовые обычаи, сложившиеся в дописьменную эпоху, и более поздние нормы. Сохранившиеся в разных формах источники дают представление и о внутрисоциальном регламентировании социальных отношений, и о международных нормах по линии Древняя Русь — Византия. По материалам текстов правовых актов можно сделать вывод о существовании нескольких типов языкового моделирования правонарушения, имевших различную степень актуальности в древнерусском правовом мышлении. Языковой образ правонарушителя уже в древности был многоаспектным, отражая как нормы дохристианской славянской культуры, так и влияние византийской культуры. Этот образ оказал определённое воздействие и на дальнейшее развитие правосознания.

Продуктом государственного и культурного взаимодействия Руси с Византией до официальной христианизации стали договоры X в., сохранившиеся в составе «Повести временных лет» [7] как копии на древнерусском языке с греческих экземпляров, что обусловило отражение в текстах ряда переработанных норм византийского права [6, вып. 1, с. 3–4]. Близость зафиксированных в договорах норм к нормам «Краткой Правды» XI в. признана историками права [6, вып. 1, с. 16]. Этот факт мог быть подтверждён и совпадением терминологии ключевых понятий, в частности правонарушения. Однако мы наблюдаем расхождение в обобщённом названии правонарушения в текстах договоров и Русской Правды.

Терминами родового уровня в русско-греческих договорах являются *проказа*, *согрешение/грех*, используемые идентично для номинации правонарушения. В филологическом и юридическом переводах данные термины заменяются соответственно на *злодеяние* и *преступление/беззаконие* [7; 6, вып. 1, с. 11, 34]. Термины *проказа* и *согрешение* введены в начальном блоке договора 911 (912) г., определяющем принципы доказательств правонарушения и вынесения приговора; далее следуют пункты, квалифицирующие конкретные правонарушения (убийство, увечье, кража и др.): «А о главах, иже ся ключит **проказа**, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явлении, а емуже начнуть не яти вѣры, да *кленется* часть та, иже ищеть неятю вѣры, да егда клѣнется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явится **сыгрѣшение**» («А о главах, касающихся возможных преступлений, договоримся так: те обвинения в преступлениях, которые будут явно удостоверены <вещественными доказательствами>, пусть считаются бесспорно доказанными; а если какому-либо <доказательству> не будут верить, пусть клянётся та сторона, которая домогается, чтобы ему не доверяли; и когда поклянётся сторона та, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления»). Термин *проказа* в договоре 944 (945) г. сохраняет родовое значение; термин *грех* имеет родо-видовое значение при квалификации правонарушения против здоровья: «Или аще ключится **проказа** нѣкака от грѣкъ, сущихъ подѣ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего, да примет, якоже будетъ створиль» («Если же будет совершено преступление кем-нибудь из греков, — наших царских поданных, — да не имете права наказывать их, но по нашему царскому

повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка»); «Или аще ударит мечемъ, или копьемъ, или кацемъ инымъ съсудом русинь грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля **грѣха** заплатитъ серебра литръ 5 по закону рускому...» («Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то преступление пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому...»).

По моему мнению, значение и функциональное соотношение указанного ряда терминов недостаточно определено как в историческом правоведении, так и в историческом языкознании. Если термин *проказа* включён в словарь древнерусских юридических терминов ('ущерб, преступление') [4, с. 85], то термины *согрешение/грех* в нём отсутствуют. Термины *согрешение* (договор 911 г.) и *проказа* (договоры 911, 944 гг.) с идентичным значением 'преступление' включены в терминологический словарь историко-правового издания [6, вып. 1], а термин *грех* в нём не учтён. В словаре древнерусского языка у многозначной лексемы *проказа* (от *проказити* 'вредить, губить') отмечено производное юридическое значение 'преступление, злодеяние', иллюстрируемое именно фрагментами русско-греческих договоров 911, 944 гг. [11, вып. 20, с. 148]. Значение лексемы *согрешение* (от *согрешати* 'грешить' и 'совершать проступок') [11, вып. 26, с. 82], как и *грех* [11, вып. 4, с. 130–131], в том же словаре двупланово: религиозное 'грех' и нравственно-обыденное 'проступок, вина'; отсылка к юридическим текстам не приведена, хотя в юридическом дискурсе производное терминологическое значение, очевидно, было актуальным. Таким образом, суммарно в юридических и лингвистических словарях большее внимание уделено юридическому значению лексемы *проказа*, что не в полной мере отражает законодательную практику и специфику правового мышления в Древней Руси.

Русская Правда в XI в. стала обобщением правовой практики (устного права) восточных славян, предположительно VIII — первой половины IX в., то есть в дохристианскую эпоху. Письменная кодификация осуществлена благодаря распространению кириллицы в связи с официальным принятием христианства [10]. Поэтапность кодификации обусловила существование различных по хронологии и составу текстовых вариантов: древнейшая, краткая и пространная Правда, а также различные дополнения к ней. «Краткая Правда» сохранилась в двух списках середины XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода.

На протяжении нескольких веков Русская Правда использовалась в судебной практике и включалась в состав крупнейших правовых актов до XVII в. Следовательно, язык документа, в том числе и терминология, были предметом профессиональной рефлексии нескольких поколений законодателей и правоприменителей.

Родовым термином для понятия правонарушения в Русской Правде выступает *обида*. Он относился к различным преступлениям против жизни, здоровья, имущества и использовался при определении санкции за ущерб (штрафа). Примеры терминопотребления в Краткой редакции памятника: «2. Или будеть кровавь или синь надъраженъ, то не искати ему видока челоуѣку тому; аще не будеть на немъ знамени никоторагоже, то ли приидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конецъ; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за **обиду** 3 гривнѣ, а лѣтцю мьзда» («Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нём не будет никакого признака ударов, то пусть придёт на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за **обиду** 3 гривны и оплату врачу»); «4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за **обиду**» («Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за **обиду**»); «13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру, то взяти ему своё, а 3 гривнѣ за **обиду**» («Если кто возьмёт чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своём миру, то взять ему своё, а 3 гривны за **обиду**») [10].

Показательным, на наш взгляд, является текстовое варьирование эллиптического типа: термин *обида* употреблён не в каждом пункте, фиксирующем виды правонарушений, хотя в смысловом отношении он необходим: «4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за **обиду**»; «5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривенъ» (подразумевается <за обиду>); «7. Аще ли персть утнеть которыи любо, 3 гривны за **обиду**»; «8. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ» (подразумевается <за обиду>) и т. д. Данный факт, с одной стороны, формально обусловлен отсутствием жёсткой регламентации конструкций правового языка, с другой стороны, свидетельствует о ядерном статусе понятия «обида» в юридическом языковом сознании: чередование эксплицитного и имплицитного вы-

ражения возможно при облигаторности подразумеваемого понятия.

Рецепция термина *обида* отражена в актах XII–XV вв.: княжеских уставах, договорах внутригосударственного и международного значения. Продуктивность первичного термина выразилась в образовании производных: *обидные дела* (Коростынский договор Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире XV в. [6, вып. 2], *обидеть* кого-либо, суд, *преобидеть* устав (Устав князя Владимира Святославича XII–XIII вв. [6. Вып. 1], Устав князя Всеволода Мстиславича XIII в. [6, вып. 1]). Устойчивость юридического значения ‘правонарушение’ подтверждается смысловой идентичностью терминов *преобидеть* и *переступить*, например, в последних двух упомянутых уставах (ср.: *преобидеть* устав и *переступить* правила).

В словаре древнерусских юридических терминов *обида* трактуется как двузначный термин: ‘несправедливость, оскорбление’ и ‘ущерб, преступление’ [4, с. 65]. Аналогичный подход к дефиниции данного термина представлен в терминологическом историко-правовом издании [6, вып. 2, с. 409]: ‘правонарушение’ и ‘притеснение, злоупотребление’. По нашему мнению, значение ‘правонарушение’ выступает как родовое. В словаре древнерусского языка у лексемы *обида* выделено три значения: ‘несправедливость, нарушение прав, оскорбление’, ‘ссора, вражда’, ‘презрение’ [11, вып. 12, с. 49]. К первому значению среди прочих иллюстраций приведён фрагмент «Краткой Правды», то есть юридическое значение стало производным от нравственно-обыденного и, очевидно, долго сохраняло тесную связь с ним.

Итак, применение контекстологического и валентностного анализа, дефиниционно-компонентного анализа номинативных средств концепта «правонарушение» в сочетании с интен-анализом древнерусских юридических документов позволило детально охарактеризовать значение и функционирование сходных терминов. Выявлены три номинативные модели для понятия правонарушения в семантическом пространстве древнерусского права «проказа», «согрешение/грех», «обида». При совпадении формально-юридической семантики наблюдается функциональное разделение номинаций. Доминантным в языке внутрисударственного права был термин *обида*. Он не вступал в варианты отношения с *проказа*, *согрешение/грех*, которые были закреплены в международно-правовых актах.

Лингвокогнитивная интерпретация позволяет выявить причину юридической дифференциации рассмотренных номинативных моделей правонарушения. Официальный характер принятия любого правового акта предполагает продуманность отбора языковых средств, точно выражающих необходимый смысл и способствующих достижению коммуникативной цели. Идентифицирующим концептуальным признаком всех номинаций можно считать ‘нарушение нормы’: *проказа, согрешение/грех, обида* — обозначения конкретного действия, причиняющего физический, имущественный, моральный вред человеку. Дифференциальными концептуальными признаками являются следующие: *проказа* — ‘вред’, *грех* — ‘вина’, *обида* — ‘несправедливость’. Данный ряд отражает тенденцию не только называть конкретное противоправное действие, но оценивать его по нравственной и религиозной шкале.

Совместное функционирование номинативных моделей «проказа» и «грех» обусловлено потребностью комплексной характеристики правонарушения с точки зрения древнего правосознания: преступный замысел, вина, антирелигиозный характер поступка. Все эти характеристики сосредоточены на субъекте правонарушения. Выбор именно таких номинаций для международных договоров можно объяснить целями межкультурной коммуникации — адекватный перевод с сохранением официально-торжественной стилистики. При письменной коммуникации в X в. наибольшей близостью обладали старославянский и греческий языки. Греческие варианты договоров не сохранились, однако взаимодействие языков (в том числе калькирование) в условиях рецепции византийского церковного права очевидно. Благодаря общеславянским истокам семантика старославянских и древнерусских лексем *проказа* (и *проказьство*) и *грех, согрешение* была тесно связана, причём первые имели в основном книжный характер, поэтому семантически и стилистически вполне соответствовали официально-торжественному дискурсу [12, с. 179, 521, 647].

Как было отмечено, в собственно русском законодательстве с XI в. (Русская Правда и др.) номинативные модели «проказа» и «грех» не нашли применения, хотя в формальном отношении могли выражать необходимый юридический смысл. Сложившуюся лингвоправовую ситуацию можно объяснить влиянием этнокультурного фактора. Дифференциальный концептуальный признак ‘несправедливость’ номинативной модели «оби-

да» обусловил её этнокультурную облигаторность в русской юридической коммуникации и неполноэквивалентность в межкультурной коммуникации. *Обида* в русском правосознании — это не только нарушение нормы, вина правонарушителя, причинённый его поступком вред, но и возникающее у пострадавшего и всего коллектива ощущение несправедливости. Внимание при концептуализации акцентировано на дисгармонизации межличностных отношений и духовном мире жертвы, правонарушение осмыслено в первую очередь как результат безнравственного поведения в отношении другого члена коллектива.

Предлагаемая нами интерпретация подтверждается данными авторитетных этимологических, этнолингвокультурных исследований и словарей. Концепт «обида» — один из ключевых для русской ментальности, он выражает идею нравственного страдания из-за несправедливости: «уязвление души и сердца как следствие причинённого злой волей вреда или ущерба» [5, т. II, с. 530]. В основе концептуального признака ‘несправедливость’ лежит внутренняя форма ‘неодобрительно посмотреть’ либо ‘причинить беду’ [15, с. 263–264], то есть пропозиция межличностных отношений. В юридической коммуникации на основе этой пропозиции сформировалось формализованное значение, однако закрепление языкового знака в первичной форме *обида*, безусловно, обеспечивало сохранение фоновой нравственной коннотации. Поддержка коннотации обеспечивалась и религиозным дискурсом: в старославянском (церковнославянском) языке лексема *обида* также передавала представление о несправедливости, вреде [12, с. 390–391].

Ещё раз подчеркнём приоритетность юридической номинативной модели «обида» по сравнению с «проказа» и «грех», а также уникальность в отношении не используемой в изучаемый период модели «преступление». Системный подход к анализу этнолингвокультурного сознания демонстрирует непосредственную связь концептов «обида», «справедливость», «правда». Идея справедливости (ключевые лексемы *справедливость, правда, обида*) относится к константам национального менталитета, достаточно сослаться на [12, с. 12] при наличии многих работ на эту тему. *Обида* (наряду с *несправедливостью, неправдой*) представляет негативный полюс русского этнолингвокультурного сознания, *справедливость* и *правда* — позитивный полюс. По-видимому, речь идёт об архетипе национального правосознания: правонарушение как причинение

обида отдельному человеку противоречит справедливости во всём социуме. Историки национально-го права подчёркивают, что *справедливость* была одной из смысловых составляющих обобщающего древнерусского термина *правда* [9, с. 41].

Результаты языковой реконструкции свидетельствуют об архаичной индоевропейской связи права, справедливости, порядка [1, с. 299–301]. При этом в общеславянской картине мира идея нравственной основы права доведена до высшей степени, что отражено и в древнерусском языке: семантический синкретизм русских понятий «справедливость» и «право»/«закон» на фоне дифференциации исходных и производных понятий в неславянских языках (лат. *ius*: *lēs*, фр. *droit*: *loi*, англ. *right*: *law*, нем. *Recht*: *Gesetz*) [3, с. 235]. В частности, можно обратить внимание на противопоставленность европейского и славянского/русского понимания юридической правды: так, если в древнегерманской языковой картине мира ядерными концептуальными компонентами являются физически обусловленные признаки ‘крепость, твёрдость, неизменность’, то есть право понимается как совокупность реальных норм [13, с. 53–54], то в древнерусской языковой картине мира доминантный концептуальный признак ‘справедливость’ как представление не только о сложившемся, но и о должном, идеальном социальном устройстве. Синкретичность семантики и нравственная коннотация этимологически обусловлены: в праславянскую эпоху **pravьda* — производное от **pravь*, которое на основе первоначального значения ‘вперёд направленный’ (как и индоевроп. **prōcos*) развило дальнейшие значения ‘прямой, ровный’ и ‘истинный, такой, как надо’, ‘справедливый’ [15, с. 323–324; 14, т. III, с. 352; 16, с. 178], соответственно **pravьda* — ‘истина’, ‘норма’, ‘справедливость’.

В лингвосемиотическом поле древнерусского права, таким образом, наблюдается органическая связь базовых понятий «норма» и «правонарушение» по способам их номинации. Этнокультурное значение названия кодекса Русская Правда подразумевает ‘свод истинных и справедливых правовых норм’, тем же значением обладал термин *правда* в нарицательном употреблении [8, с. 328–331]. *Обида* — любое ‘нарушение справедливости’, поэтому можно было *преобидеть* устав, *обидеть* суд, преступая императивно справедливые нормы.

Рассмотренные нами русско-греческие договоры и кодекс Русская Правда, безусловно, обладают статусом прецедентных текстов, причём не только для юридической сферы, но и в определённой

степени для обыденного правосознания в исторической перспективе. Представляется важным исследование дальнейшей судьбы рассмотренных древнерусских номинативных моделей для реконструкции языкового образа правонарушителя в ходе эволюции правового мышления в парадигме этнокультуры.

Подводя итоги исследования, необходимо констатировать достижение поставленной цели — реконструкции древнерусского концепта «правонарушение» в ранний период кодификации права. Комплексная методика работы с законодательными текстами, справочными и научными источниками позволила выявить и проанализировать компоненты концепта с учётом дискурсивных характеристик (социальных, культурных).

Структура концепта уже в X–XI вв. была трёхчастной, причём компоненты обладали неодинаковой функциональной значимостью. При наличии нескольких типов языкового моделирования правонарушения общей тенденцией была оценочность номинативных моделей: противоправное действие не только обозначалось, но и оценивалось по нравственной и религиозной шкале. Доминантной номинативной моделью был термин *обида*. Он функционировал в национальном кодексе Русская Правда и опирающихся на него актах XII–XV вв., преимущественно внутригосударственного значения. Двумя другими, причём взаимосвязанными, моделями были термины *проказа*, *согрешение/грех*, закреплённые в актах международного значения (русско-греческих договорах X в.).

В международных актах с помощью номинативных моделей «проказа» и «грех», поддержанных функциональной близостью старославянского и греческого языков, моделировался языковой образ правонарушителя с религиозным оттенком (отступник от нравственно-религиозного долга), что придавало текстам стилистическую приподнятость, обеспечивая эффект речевого воздействия. В древнем международном политико-юридическом дискурсе славяно-русская номинативная модель «обида» была неполноэквивалентной, имея избыточную для официальной коммуникации этнокультурную коннотацию — концептуальный признак ‘несправедливость’. Если выражение семантики несправедливости правонарушения не входило в коммуникативную цель международных договоров (на греческом языке и русских переводов), то для национального кодекса Русская Правда и других законодательных актов эта семантика была облигаторной. В собственно русской юри-

дической коммуникации при обозначении правонарушения в центре внимания был не столько субъект, нарушающий норму, сколько жертва, испытывающая страдание из-за несправедливости, то есть в целом концептуализировалась ситуация дисгармонизации отношений вследствие безнравственного поведения.

Несмотря на отсутствие внутритекстовых связей между *обида* и *проказа*, *согрешение/грех*, можно сделать вывод о том, что в древнерусском правосознании до официального принятия христианства, но под влиянием византийской традиции сформировалась оригинальная комплексная концепция преступления — социо-этико-религиозная. Языковая модель правонарушения была многоаспектной:

включала в себя и противоправное действие, наносящее вред (*проказа*), и субъективное состояние преступника, знающего о своём долге, но отступившего от него (*грех*), и нравственное страдание жертвы как части коллектива из-за несправедливости (*обида*), причём последний упомянутый компонент был доминантным, придавая этнокультурную специфику концепту «правонарушение». Следовательно, степень этнокультурной идентичности древнерусского правосознания и юридического языкового сознания была достаточно высока. По предварительным данным, реконструированная многоаспектная языковая модель правонарушения оказала определённое воздействие на дальнейшее развитие правосознания.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995. 456 с.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. 696 с.
3. Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание : VIII Междунар. съезд славистов, Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. : докл. совет. делегации. М., 1978. С. 221–240.
4. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. 119 с.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб., 2014. 592 с.
6. Памятники русского права. Вып. 1–8. М., 1952–1961.
7. Повесть временных лет / подготовка текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Электронные публикации Ин-та рус. лит. РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 14.02.2020).
8. Попова Л. В. Этнокультурная специфика номинаций русских законодательных документов: диахронический аспект // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 328–331.
9. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII в.). М., 2006. 269 с.
10. Русская Правда (краткая редакция) / подготовка текста, пер. и коммент. М. Б. Свердлова // Электронные публикации Ин-та рус. лит. РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (дата обращения: 14.02.2020).
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1991. Вып. 1–17; 1992–. Вып. 18–.
12. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. 842 с.
13. Топорова Т. В. Древнегерманские представления о праве и правде // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 52–55.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб., 1996.
15. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1989. 511 с.
16. Шаповалова О. А. Этимологический словарь русского языка. Ростов н/Д., 2007. 240 с.

Сведения об авторе

Попова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Миасского филиала, Челябинский государственный университет. Миасс, Россия. mila_fil@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 102—109.*

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF THE OLD RUSSIAN CONCEPT “OFFENCE (MISDEMEANOR)”: EARLY PERIOD

L.V. Popova

Miass branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russia. mila_fil@mail.ru

The article focuses on ethno-cultural patterns of the development of Russian legal language consciousness. We test a hypothesis that legal concepts are comprehended through the prism of ethnical moral values by the common and official legal language consciousness. A complex of linguistic methods was used in our research: intent-analysis of the documents, contextual and valence analysis, definitional and componential analyses, lingual and cognitive interpretation. The article three-part structure of the Old Russian concept “offence (misdemeanor)” was reconstructed: the intercultural-based nominative models “prokaza”, “sin” occurring in the Russian-Greek agreements of the 10th century and the not fully equivalent model “obida” present in the Russian Truth code and the later legislative acts. The Old Russian legal consciousness was developing before the official adoption of Christianity, then under the influence of the Byzantine tradition the socio-ethical-religious concept of offence was formed, in which the ethnically specific conceptual feature “injustice” retained dominance implying the moral suffering of the victim as part of the collective (“obida”). The results can be used in lexicographic, didactic and educational works, in ethno- and socio-cultural projects.

Keywords: *offence (misdemeanor) concept, obida (offence, misdemeanor), prokaza (offence, misdemeanor), sin (offence, misdemeanor), ethnic and cultural concept, legal term, Old Russian legal language consciousness.*

References

1. Benvenist, E. (1995) Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow. 456 p. [in Russ.].
2. Zaliznyak, Anna A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2012) Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow. 696 p. [in Russ.].
3. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. (1978) O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kih klyuchevyh terminov) [On the language of ancient Slavic law (to the analysis of several key terms)]. *Slavyanskoe yazykoznanie*. VIII Mezhdunar. s'ezd slavistov, Zagreb–Lyublyana, sent. 1978 g.: dokl. sovetskoj delegacii. Moscow. Pp. 221–240. [in Russ.].
4. Isaev, M.A. (2001) Tolkovyj slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizan tiej do ustavnih gramot Moskovskogo gosudarstva [Explanatory dictionary of Old Russian legal terms: From contracts with Byzantium to authorized diplomas of the Moscow state]. Moscow. 119 p. [in Russ.].
5. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., Haritonov, A.A. (2014) Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of the Russian mentality]: in 2 vol. St. Petersburg. [in Russ.].
6. Pamyatniki russkogo prava (1952–1961) [Monuments of the Russian right]. Issue 1–8. Moscow. 288 p. [in Russ.].
7. Povest' vremennyh let [Story of temporary years]. *Ehlektronnye publikacii Instituta russkoj literatury RAN*. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869>. (Accessed: 14.02.2020). [in Russ.].
8. Popova, L.V. (2018) Etnokul'turnaya specifika nominacij russkikh zakonodatel'nyh dokumentov: diahronicheskij aspekt [Ethnocultural specificity of denominations of the Russian legislative documents: diachronic aspect]. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo*: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza. Pp. 328–331. [in Russ.].
9. Rogov, V.A., Rogov, V.V. (2006) Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (Ocherki IX — serediny XVII vv.) [Old Russian legal terminology in the relation to the theory of the right (Sketches of IX — the middle of the 17th centuries)]. Moscow. 269 p. [in Russ.].

10. Russkaya Pravda (Kratkaya redakciya) [Russian Truth (Short edition)]. *Ehlektronnye publikacii Instituta russkoj literatury RAN*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (Accessed: 14.02.2020). [in Russ.].
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (1975–1991) [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Moscow. Issue 1–17; 1992–. Issue 18–. [in Russ.].
12. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) (1994) [The old Slavic dictionary (according to manuscripts of the 10–11th centuries)] / Ed. Blagova, R. M. Cejtin, S. Gerodes. Moscow. 842 p. [in Russ.].
13. Toporova, T.V. (1995) Drevnegermanskije predstavleniya o prave i pravde [Ancient German notions of law and truth]. *Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke*. Moscow. Pp. 52–55. [in Russ.].
14. Fasmer, M. (1996) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]: in 4 vol. 3 ed. St. Petersburg. [in Russ.].
15. Cyganenko, G.P. (1989) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]. 2 ed., revised and supplemented. Kiev. 511 p. [in Russ.].
16. Shapovalova, O.A. (2007) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]. Rostov on Don. 240 p. [in Russ.].